Освоение Сибири: природа и люди

К.Г.Михайлов,
кандидат биологических наук
Зоологический музей Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова

Большая обзорная книга по истории Сибири давно необходима. Автор, биолог по образованию и первой профессии, выросший и проработавший много лет в Магадане, написал книгу по истории покорения сибирских регионов. С природой и животным миром азиатской части России читатель сталкивается буквально на каждой странице книги. Особую прелесть изданию придают иллюстрации Николая Фомина, созданные специально для книги; жаль, что не все они вошли в печатную версию. Почти на каждом рисунке можно увидеть какого-либо представителя сибирской фауны: сову-сипуху, ворона, кабаргу, соболя, амурского тигра, гнус, красную рыбу, идущую на нерест...

Под термином «Сибирь» автор понимает всю зауральскую территорию современной России, вплоть до побережья Тихого океана, включая Северо-Восток с Чукоткой и Камчаткой, но без юга Дальнего Востока. Временны́е рамки исследования ограничены XVI — началом XVIII в., т.е. до установления стабильной царской администрации в каждом регионе. История распространения русских на юго-восток, по Амуру и за Амур, заканчивается Нерчинским договором 1689 г. между Россией и цинским Китаем. Русская Америка и Приморье не вошли в данное исследование.

В небольшой вводной части автор дает (единственный раз!) общую оценку покорения русскими Сибири, считая это положительным фактором, прекратившим войну «всех племен против всех», не говоря уже о технологической и культурной экспансии. Книга написана в традиционном ключе, без идеологических прикрас советской истории; привлечены интересные новые материалы; в каких-то мелочах возможны ошибки, которые практически неизбежны при такой обширности охвата и обобщения.

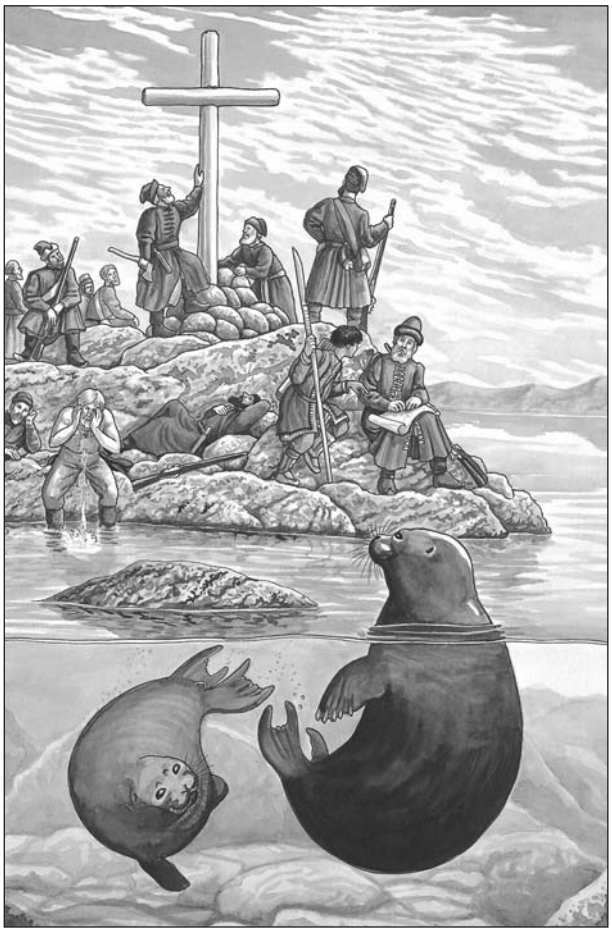
Композиционно книга состоит из двух больших разделов: «История с географией» (хронология покорения регионов Сибири) и «Пути, города и люди» (биографические очерки первопроходцев и местных лидеров, транспорт, вооружение, строение крепостей, положение женщин и многое другое). В первом разделе присутствуют также три «интермедии» (скорее, справочно-информационного свойства): «Боярские дети и остальные», «Институт аманатов» и «Сибирское управление».

В начале первого раздела представлена геополитическая картина расширения территории России. Главный фактор, сделавший восточное направление приоритетным, — это отсутствие там мощного противодействия со стороны сложившихся государственных образований. Первыми этапами расширения стало постепенное покорение огромной территории Западной Сибири, вплоть до основания знаменитой Мангазеи на восточном краю региона, практически в тундровой зоне. После периода недолгого расцвета в самом на-

© Михайлов К.Г., 2015

М.А.Кречмар. СИБИРСКАЯ КНИГА. ИСТОРИЯ ПОКОРЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ И НАРОДОВ СИБИРСКИХ.

М.: ИД «Бухгалтерия и банки», 2014. 413 с.

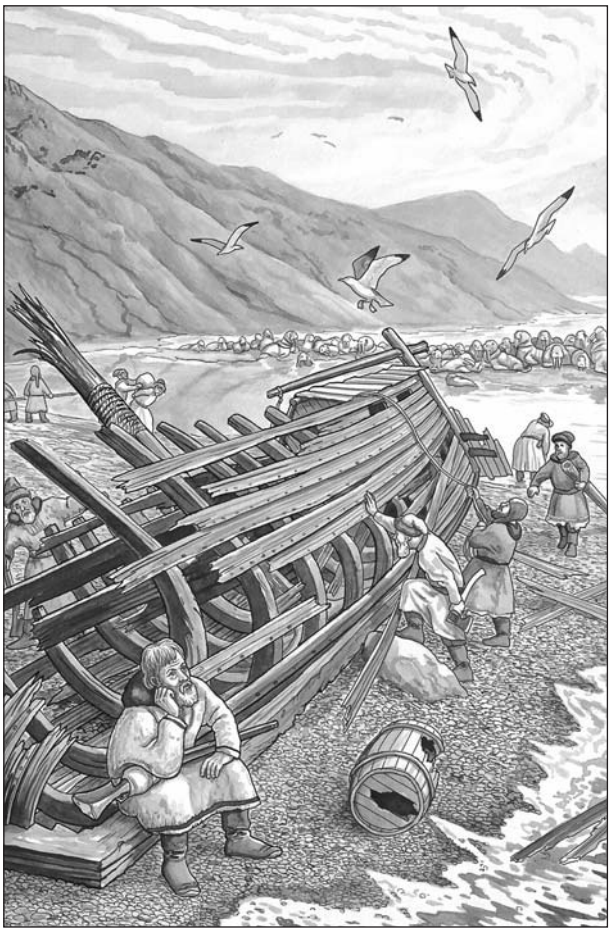


Здесь и далее фронтисписы к главам (иллюстрации Н.Фомина) из рецензируемой книги.

чале XVII в. город зачах: небогатая приполярная природа не могла прокормить большое население. Из-за транспортной отдаленности даже подвоз хлеба (зерна, муки) в Мангазею случался не каждый год. Рубеж XVI—XVII вв. стал началом похолодания, названного «малым ледниковым периодом». Проливы в Северном Ледовитом океане все чаще забивали ледовые торосы. Плавание по океану, самое простое для доставки грузов в город в теплую эпоху, было запрещено царскими указами в первой трети XVII в., перекрыты также и некоторые сухопутные направления. А главного «золота» Сибири — соболиного меха — окружающее население, отдав одноразово многолетние запасы, далее почти не предоставляло. Довершили дело распри между мангазейскими воеводами, доходившие до регулярной осады города и стрельбы из пушек, а также большой пожар 1642 г.

Далее освоенная территория придвинулась к «стране тунгусов» (автор везде использует наименования народностей, принятые в XVII—XVIII вв.) и захватила енисейские территории. В борьбе с воинственными тунгусами был применен эффективный институт «аманатов» — заложников, который далее использовали во многих регионах Восточной Сибири и, как добавляет автор вскользь, отменили только в конце «просвещенного» XVIII века. Юг енисейской Сибири — «страна киргизов» — также был освоен русскими. Местное население, однако, сопротивлялось довольно долго, вплоть до конца XVII в., осуществляя набеги на Красноярск и его окрестности. Чуть позже все «киргизы» были переселены джунгарами — одним из влиятельных, наряду с маньчжурами и монголами, народов Азии того времени — в южные районы их ханства, и плодородная территория Минусинской котловины практически опустела, тем самым оставшись за русскими.

Сильное сопротивление русским оказали и буряты, населявшие в те времена Прибайкальский регион. На руку бурятам сыграли и внутренние свары между русскими, которые безуспешно надеялись разыскать в регионе золотые и серебряные месторождения. Но в конечном итоге, уже в середине XVII в., коренные народы из окрестностей Братского острога переместились далеко на юг, «к монголам», и земля опять опустела… Возвращение бурят в Забайкалье произошло уже в более поздние времена.

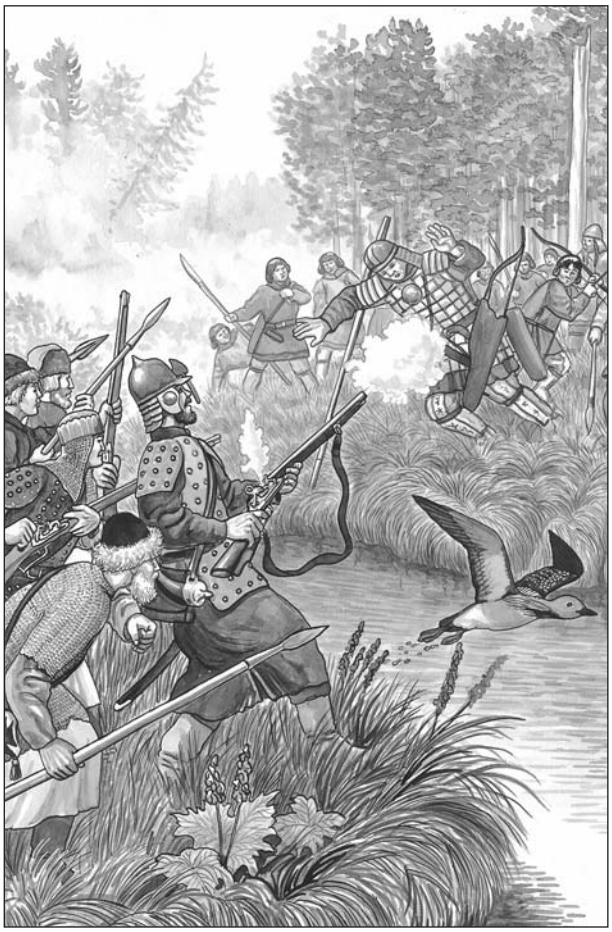


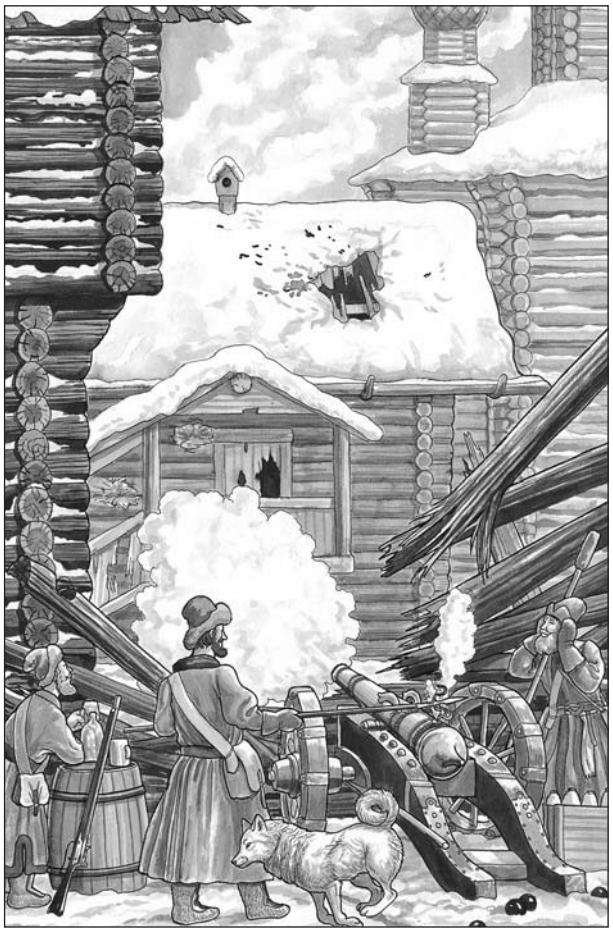
Еще один вектор движения — в сторону Лены — через «страну тунгусов» в «страну якутов»; при этом якуты сами лишь недавно освоили новый для себя регион поймы р.Лены и ее крупных притоков. Якуты были покорены довольно быстро, уже к 1642 г., и в дальнейшем во всем поддерживали русских. Дальнейшее продвижение на восток шло через земли тунгусов (или эвенков — охотников, мало практиковавших оленеводство) и ламутов (или эвенов — преимущественно оленеводов), проживавших в гористых районах правобережья Лены. Сражения на побережье Охотского моря с многочисленными немирными ламутами продолжались вплоть до 1680-х годов.

Следующее направление — северо-восточное — в тундру, в район Колымы, в земли «ламутов и юкагиров», привело к соприкосновению с чукчами, коряками и обитателями Камчатки. В этом регионе общее замирение произошло уже в XVIII в., но с воинственными чукчами удалось окончательно договориться ближе к XIX в., регулярно выделяя им подарки из казны в обмен на плохо выделанные оленьи шкуры. Особо кровопролитные действия происходили на Камчатке, в результате чего местное население там к середине XVII в. сократилось, по мнению Г.Стеллера, чуть ли не в 30 раз! Освоение Забайкалья (Даурии) и Приамурья привело к столкновениям с войсками маньчжурской династии Цин. Русский город Албазин, заложенный на правом берегу Амура, по условиям Нерчинского договора пришлось разрушить. Другие русские поселения были перенесены на левый берег великой реки.

На этом заканчивается первый раздел книги. То, что изложено выше — скучно и конспективно, рассказано в книге подробно, с множеством потрясающих деталей. Тут и переписка, и взаимные кляузы, и царские указы, и свидетельства «главного историка» Сибири — Г.Ф. Миллера.

Второй раздел не менее интересен. Главный денежный эквивалент Сибири, так привлекавший торговых и государевых людей, — это соболиные шкурки, меха. Немаловажно, что область распространения (ареал) соболя почти целиком ограничен территорией России. Именно в места его обитания устремлялись в первую очередь первопроходцы, и эти территории становились российскими. Только в редких случаях «соболям» (как меры стоимости и средства платежа и обращения) нашли эквивалентную замену в моржовых





клыках и мехе других, менее ценных животных. Забавно, что за пределами Московского царства скоропортящиеся меха вовсе не были ликвидным товаром; в России же отношение к ним стало более скептическим только со времени «царя-технократа» Петра I.

В начале главы «Странники-завоеватели» автор пытается провести что-то вроде социологического анализа. Основное ядро землепроходцев составляли казаки — разноплеменная группировка лиц мужского пола, покинувших свои земли из-за неладов с законом и проживавших на полуничейных территориях, куда не распространялась власть соседних сильных государств. В промежутках между военными действиями (на службе у любой из противоборствующих сторон, лишь бы платили) казаки жили разбоем. Служилое население Сибири складывалось далее из военных, переселявшихся из Европейской России, крестьян, казаков, разноплеменных татар, иностранцев (поляков, литвы, даже немцев). Личная прибыль была доминирующим мотивом первопроходца, равно как и простое человеческое любопытство, но была и государственная поддержка. А без хлеба и оружия, поставляемых из центральной части страны, сибирская Россия существовать тогда не могла, зависимость была велика. Поэтому и не отмечены среди сибирской казацкой вольницы случаи самозванства и очень немногочисленны прямые выступления против государевой власти, хотя примеров всяческих безобразий и распущенности немало, их описания рассыпаны буквально по всей книге. С другой стороны, несомненно присутствовало стремление оторваться от начальства и погулять, «пошалить» в свое удовольствие... Далее в той же главе приведены краткие биографии первопроходцев.

Отдельная, более краткая глава посвящена местным вождям сопротивления: татарскому хану Кучуму, «киргизу» Еренаку, «князцу» Гантимуру и др. Тяжелый осадок оставляет чтение следующей главы — «Женщины Присоединения». Случаи захвата в рабство женщин и девушек из местного населения были почти нормой в течение всего XVII в. Далекая московская власть боролась с этим, предписывая воеводам следить, чтобы их люди не владели «ясырем» (т.е. рабами из инородцев). Крещеных «ясырок» полагалось выдавать замуж, некрещеных — отправлять назад, к родичам.

Глава «Вооружение и тактика сторон» выдает большие познания автора в этой области. Разо-

браны типы луков, ножей, варианты огнестрельного оружия. Обсуждаются причины русских побед, и главная из них — бо́льшая опытность и смекалистость завоевателей. Да и в отношении роста и телосложения преимущество оставалось обычно за русскими. Отдельные, очень интересные главы посвящены транспорту и снабжению, городам и крепостям.

Но одним из главных врагов русского завоевателя был... другой русский завоеватель, и этому противостоянию посвящена подробнейшая глава «Между своими», одна из важнейших в книге. Трудно пересказать множество красочных эпизодов, поэтому я адресую заинтересованного читателя к оригинальному авторскому тексту. Главу завершают краткое приложение (заметки Г.Стеллера о безобразном поведении казаков на Камчатке) и список литературы.

Автор сравнивает покорение Сибири с завоеванием Северной Америки. Сопротивление народов у нас было менее ожесточенным, чем отпор американских индейцев. Первопроходцы Сибири не обогатились, в отличие от испанских завоевателей Нового Света. Там и там покорение новых областей производили не большие армии, но малые отряды, обычно численностью в несколько десятков солдат, стрельцов или лучников. Интересно, что во многих случаях «торговые, промышленные люди» (добытчики соболя, в первую очередь) проникали в новые, неизведанные области на 10—20 лет раньше государевых людей-первопроходцев, но никаких записей эти первые не вели и ясак (натуральный налог) не собирали. Посему письменные свидетельства о ранних путешественниках практически отсутствуют, и в большинстве случаев исследователю приходится довольствоваться легендами.

Книга написана хорошим современным языком с приведением множества цитат из старинных книг и летописей. Иногда буквально невозможно оторваться от увлекательного чтения. Помимо иллюстраций Фомина книга снабжена также и несколькими художественно оформленными картами с указанием годов основания русских крепостей-поселений. Хотелось бы меньшего количества опечаток, но это претензия почти к любому современному изданию; институт корректоров практически перестал существовать. Печально, что отсутствует именной указатель.

Издана книга неплохим тиражом в 3100 экземпляров, но в магазинах ее нет. Только очень заинтересованные, упрямые читатели могут раздобыть это издание (и ряд других интересных книг) в редакции «Русского охотничьего журнала», где ныне работает автор. А ведь на самом деле «Сибирская книга» задумана как широкодоступный обзор-справочник... ■

Физиология. Медицина

В.А.Дубынин, Ю.В.Добрякова, К.К.Танаева. НЕЙРОБИОЛОГИЯ И НЕЙРОФАРМАКОЛОГИЯ МАТЕРИНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. 191 с.

При очевидной общебиологической и социальной значимости, как ни странно, особенности материнского поведения изучаются существенно меньше, чем такие проблемы, как тревожность, депрессивность или способность к обучению. Самый распространенный способ изучения материнской мотивации у грызунов — наблюдение в условиях клеточного содержания. Авторы использовали оригинальный метод оценки поведения крыс с использованием арены открытого поля. Нейроанатомические и нейромедиаторные основы материнского поведения и мотивации показаны на основе как собственных, так и литературных данных. Особое внимание уделено вкладу дофаминергической и опиоидной систем мозга. Дан анализ различных экспериментально вызванных нарушений материнского поведения, в том числе развития состояния послеродовой депрессии. Рассмотрены фармакологические постнатальные модели послеродовой депрессии, а также модель пренатального нейротоксического воздействия вальпроевой кислоты. Проведенные эксперименты открывают возможности для отработки потенциальных способов коррекции и терапии этого заболевания.